

НАРЦИСС, ИЛИ ВЛЮБЛЕННЫЙ В САМОГО СЕБЯ

Комедия

Действующие лица:

Лизимон

Валер

Люцинда } дсти Лизимона.

Анжелика

Леандр } брат и сестра, воспитанники Лизимона.

Мартов, наперсница.

Фронтан, лакей Валера.

Действие происходит в комнате Валера.

СЦЕНА I

Люцинда, Мартон.

Люцинда. Я только что видала брата — он гуляет в саду; поспешим, пока он не вернулся, поставить его портрет на туалетный столик.

Мартон. Ну, барышня, этот наряд совсем его преобразил — его и не узнаешь. Пусть он красивейший мужчина в целом свете, однако же под видом женщины он заблистал какой-то новой прелестью.

Люцинда. Валер так изнежен, и его наряды так вычурны, что он кажется женщиной, скрытою под мужской одеждой, и этот портрет, где он представлен ряженным, его не изменяет, а скорее возвращает в его естественное состояние.

Мартон. Ну что ж! Какая в том беда? Раз нынче женщины хотят во внешности равняться на мужчин, то почему мужчинам им не пойти навстречу и не стараться заимствовать

от них столько же прелести, сколько женщины выиграют в серьезности. Вот благодаря моде все и придет в равновесие.

Л ю ц и н д а. К столь смешной моде я применить не могу. Быть может, наш пол будет по-прежнему иметь счастье нравиться, хоть и станет больше внушать уважения. Что до мужчин, то мне досадно глядеть на их ослепление. Чего домогается ветреная молодежь, присваивая все наши права? Неужели, пытаясь нам подражать, она надеется нам больше нравиться?

М а р т о н. Да, это было б напрасно — женщины чересчур ненавидят друг дружку, чтобы любить то, что походит на них. Но возвратимся к портрету. Вы не боитесь, что эта невинная шутка прогневит кавалера?

Л ю ц и н д а. Нет, Мартон; мой брат добр от природы; он даже разумен, если забыть о его недостатке. Он поймет, что, делая ему этим портретом немой и шутливый укор, я думала только о том, чтоб исцелить его от причуды, возмущающей всех, даже снисходительную Анжелику, эту милую воспитанницу моего отца, с коей нынче Валер сочетается браком. Исправлять недостатки ее жениха — значит оказывать ей услугу; а ты знаешь, как мне самой нужна помощь моей любезной подруги, чтоб избавиться от ее брата Леандра, за которого мой отец хочет выдать меня.

М а р т о н. Итак, тот молодой незнакомец, этот Клеонт, которого встретили вы нынешним летом в Пасси, вашим сердцем все еще крепко владеет?

Л ю ц и н д а. Отпираться не буду; я даже рассчитываю, что он сдержит данное мне слово и скоро появится вновь и что Анжелика, как обещала, уговорит ее брата от меня отказаться.

М а р т о н. Как же, откажется он! Не забывайте, что вашим глазкам куда будет легче скрепить этот союз, чем Анжелике расторгнуть его.

Л ю ц и н д а. Твоей лести не стану оспаривать, скажу лишь, что Леандр никогда меня не видал и сестре его вовсе не трудно предупредить его и объяснить, что ему невозможно быть счастливым с женщиной, чье сердце уж занято, и потому для него всего лучше развязаться с ней честным отказом.

М а р т о н. Честным отказом! Отказаться от женщины красивой, как вы, и с приданым в сорок тысяч экю — поступок, на который Леандр никогда не будет способен. *(В сторону.)* Если б она знала, что Леандр и Клеонт — одно и то же лицо, подобный отказ получил бы у нее совсем другое название.

Л ю ц и н д а. Ах, Мартон, я услышала шум; скорее спрячем портрет. Это, наверно, возвращается брат; а мы увлеклись болтовней, и теперь нам нет времени исполнить нашу затею.

М а р т о н. Нет, это идет Анжелика.

СЦЕНА II

Анжелика, Люцинда, Мартон.

Анжелика. Моя дорогая Люцинда, вам известно, сколь неохотно я согласилась на вашу затею и допустила переменить на портрете одежду Валера на женский убор. И сейчас, когда вы готовы привести свой план в исполнение, я дрожу вся при мысли, как бы неудовольствие, что над ним насмеялись, не настроило его против нас. Прошу вас, откажемся от этой легкомысленной выдумки. Я не расположена забавляться, если рискую при этом спокойствием сердца.

Люцинда. Как вы робки! Валер слишком вас любит, и пока вы для него лишь возлюбленная, он не взглянет с дурной стороны на то, что исходит от вас. Поймите, что вам остается один только день потворствовать своим причудам, его ж капризам черед наступит более чем скоро. К тому же речь идет об излеченье Валера от слабости, обращающей его в мишень для насмешек, а это прямая забота возлюбленной. Исправлять недостатки любовника мы еще можем, но недостатки супруга — увы! — нам остается только терпеть.

Анжелика. Но что смешного вы в нем находите? Если он так прелестен, то любить себя ему вовсе не грех, и разве мы сами не подаем ему в этом пример? Ему хочется нравиться. Ах! Пусть это недостаток, но где та добродетель, что вносила бы в общество больше приятности?

Мартон. И особенно в общество женщин.

Анжелика. Нет, нет, Люцинда, верьте мне — уберем лучше этот портрет и вообще прекратим все эти насмешки, которые также могут сойти за попытку исправить, как и за намерение оскорбить.

Люцинда. О нет! Я не желаю лишиться плодов своей выдумки. Весь риск я согласна взять на себя, вы же ничуть не обязаны быть соучастницей нашей затеи — вы можете быть только свидетельницей.

Мартон. Подумаешь, разница!

Люцинда. Мне любопытно взглянуть на мину, которую скорчит Валер. Как бы к этому он ни отнесся, а сцена получится довольно забавная.

Мартон. Я понимаю: предлог — исправить Валера; но истинное побуждение — поднять его на смех. У женщин на это прямо талант, и всегда-то им в этом везет. Задумают только потешиться, а глядишь — и исправят любого жеманника.

Анжелика. Ну, будь по-вашему; но предупреждаю, вы в ответе за то, что из этого произойдет.

Люцинда. Согласна.

Анжелика. С тех пор как мы вместе живем, вы мне делали сотни каверз, за которые следует вас наказать. Если же эта затея будет мне стоить малейшей размолвки с Валером, то берегитесь.

Люцинда. Да, да.

Анжелика. Подумайте на миг о Леандре.

Люцинда. Ах, дорогая моя Анжелика...

Анжелика. О, если вы поссорите меня со своим братом, то клянусь, вы выйдете замуж за моего. *(Тихо.)* Мартон, ты обещала мне хранить тайну.

Мартон *(тихо)*. Будьте покойны.

Люцинда. Ведь я же...

Мартон. Я слышу голос кавалера. Скорее решайтесь, если вы не хотите, чтоб он застал у своего туалета целый девичий цветник.

Люцинда. Нельзя, чтоб он тут нас заметил. *(Ставит портрет на туалетный столик.)* Ну вот, ловушка готова.

Мартон. Мне хотелось бы спрятаться и подсмотреть, как наш голубчик...

Люцинда. Молчи. Бежим.

Анжелика. Ах, меня мучат дурные предчувствия!

СЦЕНА III

Валер, Фронтэн.

Валер. «Сангариде; сей день для вас — великий день».

Фронтэн. Сангариде, сиречь Анжелика. Да, день свадьбы — великий день — он даже чертовски удлиняет те дни, что за ним следуют.

Валер. Какая это будет мне радость — сделать Анжелику счастливой!

Фронтэн. Вам хотелось бы сделать ее вдовой?

Валер. Злой шутник... Ты знаешь, как я люблю ее. Скажи, чего, по-твоему, желать ей еще для блаженства? Когда сердце полно любви, есть и ума немного, и лицо... такое, как ты видишь, то можно, я полагаю, быть уверенным, что нравиться будешь всегда.

Фронтэн. О, без сомненья, и первое тому доказательство — вы сами: вы всегда от себя в восхищенье.

Валер. Мне только жаль тех милых малюток, что из-за женитьбы моей засохнут от горя и не будут знать, что им делать со своими сердечками.

Фронтэн. Ну, положим. Те, к примеру, что вас любили, крепко возненавидят вашу дражайшую половину — вот им и будет занятие. Другие... но где, черт возьми, взять этих других?

Валер. Утро уже на исходе. Пора одеваться и идти к Анжелике. Давай же скорей. *(Садится за туалет.)* Как ты меня сегодня находишь? В глазах нет ни капли огня и цвет лица что-то неважный; мне кажется, я не такой, как всегда.

Фронтэн. Не такой! Нет, вот уж точно такой.

Валер. Употребление румян предурная привычка; дойдет наконец до того, что без них я совсем разучусь обходиться, а не нарумянившись, я буду невзрачен до крайности. Где же коробочка с мушками? Но что я тут вижу? Портрет... Ах, Фронтэн, какое прелестное личико!.. Где взял ты этот портрет?

Фронтэн. Я? Хоть повесьте — не знаю, о чем еще вы говорите.

Валер. Как! Это не ты поставил его на мой туалет?

Фронтэн. Нет, умереть мне на месте!

Валер. Кто же тогда?

Фронтэн. Клянусь, я не знаю. Наверное — черт или вы сами.

Валер. Рассказывай. Тебе заплатили, чтоб ты молчал. А знаешь? — сравнение с этим портретом вовсе не в пользу пойдет Анжелике... Честное слово, красивее личика я не видывал в жизни. Фронтэн, какие глаза! По-моему, они схожи с моими.

Фронтэн. Этим все сказано.

Валер. Я вижу в ней общего много со мной... Право, она прелестна... Ах, если б еще ко всему был у нее и ум... Но за ум — ее вкус мне порукой. Плутровка знает толк в искусстве одеться.

Фронтэн. Черт побери! Поглядим-ка и мы на все эти чудеса.

Валер. Скажите пожалуйста! Ты, видно, думаешь меня провести, корча дурацкую рожу? Или, по-твоему, я новичок в приключениях?

Фронтэн *(в сторону)*. Неужто я ошибаюсь? — Он... это он сам. Как разодет! Сколько цветов! И сколько помпонов! Конечно, это проделка Люцинды; и Мартон тоже тут не последнюю роль играла. Не будем помехой их шалости. Болтливость моя уж не раз обходилась мне слишком дорого.

Валер. Ну что? Господин Фронтэн не знает, кто послужил оригиналом для портрета?

Фронтэн. Как бы не так! Мне — да ее не узнать! Немало сотен пинков ногою под зад и столько ж пощечин, которые я

имел честь поштучно от нее получить, прочно скрепили наше знакомство.

Валер. Девуца — и пинки раздает! Это не слишком-то скромно.

Фронтэн. Она малость норовиста — чуть что не по ней, ее берет нетерпенье.

Валер. Как! Ты служил у нее?

Фронтэн. Да, сударь, и даже счастье имею быть по-прежнему ее покорным слугой.

Валер. Это было б забавно, если б в Париже сыскалась красотка, с которою я не знаком... Скажи откровенно. В жизни так же она хороша, как и на портрете?

Фронтэн. Хороша — сказать мало. Да знаете ль, сударь, что если б кто-либо и мог приблизиться к вам в совершенствах, то, кроме нее, я не найду никого, кто достоин сравнения с вами.

Валер (*рассматривая портрет*). Устоять мое сердце не в силах... Фронтэн, назови же мне имя прекрасной.

Фронтэн. Ах, черт возьми, врасплох он меня захватил.

Валер. Как зовут ее? Да говори же.

Фронтэн. Ее зовут... зовут... никак ее не зовут. Это девушка без имени, каких множество.

Валер. Негодяй наводит меня на грустные мысли! Возможно ль, чтоб дивные эти черты принадлежали гризетке?

Фронтэн. А почему бы и нет? Красота своевольна — она любит являться на лицах людей, которым, кроме как ею, нечем больше гордиться.

Валер. Что? Так это...

Фронтэн. Очень кокетливое, очень капризное, очень тщеславное — хоть и без особой на то причины — создание; одним словом, ни дать ни взять — щеголь в юбке.

Валер. Однако как нагло эти лакеи судят о людях, которым служили. Но я сам все проверю. Скажи, где живет она?

Фронтэн. Живет! Да разве такие особы живут где-нибудь?

Валер. Не выводи меня из терпенья... Каналья, где дом ее?

Фронтэн. По чести, сударь, чтоб вам не солгать: вы знаете это не хуже меня.

Валер. Что, что?

Фронтэн. Клянусь, оригинал вам лучше известен, нежели мне.

Валер. Так этот портрет не ты поставил сюда?

Фронтэн. Нет, чума меня разрази!

Валер. Ты мне такие внушил о ней мысли...

Ф р о н т э н. Как вы не видите, что сами же вы и даете им пищу? Есть ли на свете еще человек, который бы так был смешон?

В а л е р. Как! Мне не удастся дознаться, откуда взялся портрет? Таинственность и все эти помехи лишь разожгли мое любопытство. Ибо, признаюсь тебе, я увлечен не на шутку.

Ф р о н т э н *(в сторону)*. Вот где умора! Сам в себя он влюбился.

В а л е р. Но как быть с Анжеликой, с прелестною Анжеликой... По правде, я в чувствах своих не могу разобраться, и прежде чем что-либо решать относительно свадьбы, я должен увидеть этот новый предмет моей страсти.

Ф р о н т э н. Как, сударь! Нет, вы... Ах, да вы просто смее-тесь.

В а л е р. Ничуть; серьезно тебе говорю, я не могу свою руку отдать Анжелике, пока моих чувств неясность будет препятствовать нашему обоюдному счастью. Нельзя мне жениться сегодня; это дело решенное.

Ф р о н т э н. Вами, может быть, да. Но господин ваш отец помимо вас тоже кой-что порешил, а он на свете последний из всех, кто пошел бы вам на уступки; сами знаете, что благодушие не есть его слабость.

В а л е р. Ее надо найти, чего бы это ни стоило. Идем, Фронтэн, бежим, давай искать повсюду.

Ф р о н т э н. Идем, бежим, летим; напишем список и приметы всех хорошеньких девиц Парижа. Черт! Занятная книжонка у нас получится! Книга редкая — ее читая, со скуки не заснешь.

В а л е р. Скорей. Кончай же одевать меня.

Ф р о н т э н. Постойте, вот кстати и господин отец ваш. Не прихватить ли нам и его за компанию?

В а л е р. Молчи, палач. Какая незадача!

СЦЕНА IV

Лизимон, Валер, Фронтэн.

Л и з и м о н *(говорит всегда резким тоном)*. Ну как, мой сын?

В а л е р. Фронтэн, придвинь же кресло господину.

Л и з и м о н. Садиться не желаю. Мне надобно сказать тебе два только слова.

В а л е р. Сударь, я не могу себе позволить слушать вас, пока вы не уселись.

Л и з и м о н. Черт побери! А мне не нравится сидеть. Как пить дать, этот вертопрах начнет любезничать с отцом.

В а л е р. Почтительность...

Л и з и м о н. Почтительность в том заключается, чтоб слушаться и не стеснять меня. Но что это! Он даже не одет! В день свадьбы! Вот это мило! Твоего визита Анжелика еще не удостоилась?

В а л е р. Я кончил причесываться и собрался одеться — хотелось мне в приличном виде явиться к ней.

Л и з и м о н. Разве так много требуется приготовлений, чтоб волосы связать в пучок и надеть кафтан? Черт побери! Мы в молодости лучше пользовались временем; и хоть не тратили полдня на верчение перед зеркалом, а куда успешнее умели устраивать свои дела с красавицами.

В а л е р. Однако ж, думаю, что если хочешь, чтобы тебя любили, то не излишне позаботиться о всяком придающем приятность пустяке, а также, что вряд ли небрежная одежда изобличает в нас любовников, стремящихся понравиться.

Л и з и м о н. Чистейший вздор. Когда любишь, известная небрежность бывает иной раз весьма к лицу. Женщины больше ценили в нас нашу пылкость, нежели то время, которое мы тратили на свой туалет; мы не подчеркивали свой нежный вкус в нарядах, зато сердца наши были нежней. Но бросим это. Пришла мне мысль отсрочить до прибытия Леандра твою женитьбу, чтоб он имел удовольствие на ней присутствовать, а я имел бы радость справить обе свадьбы — твою и твоей сестры — в один и тот же день.

В а л е р (*тихо*). Фронтэн, какое счастье!

Ф р о н т э н. Да, чем больше отдаляется женитьба, тем меньше остается времени раскаиваться в ней.

Л и з и м о н. Валер, что ты на это скажешь? Считаю, что не подобает замуж выдавать сестру, не дожидаясь брата, который, как мы знаем, уже в пути.

В а л е р. Я нахожу, отец, что лучше вы придумать не могли.

Л и з и м о н. Итак, эта отсрочка не огорчит тебя?

В а л е р. Готовность вам повиноваться всегда будет брать верх над всякою моею досадой.

Л и з и м о н. А я, признаться, не предлагал это тебе, боясь тебя расстроить.

В а л е р. С вашей волей я согласую свои желанья не менее, чем свои поступки. (*Тихо.*) Фронтэн, какой он славный малый — мой отец!

Л и з и м о н. Я очень рад, что ты оказался столь покорным; заслуга эта тебе не много будет стоить, ибо Леандр в письме, которое я только что получил, сообщает мне, что прибудет к нам сегодня же.

Валер. И что же, мой отец?

Лизимон. А то, мой сын, что таким образом все остается, как было решено прежде.

Валер. Как так? Вы в самый день приезда намерены его женить?

Фронтэн. Женить чуть не в дорожных сапогах?

Лизимон. Нет, не совсем; поскольку они с Люциндой никогда не видели друг друга, им надо дать досуг между собою познакомиться; но на свадьбе своей сестры он будет присутствовать, и у меня не хватит бессердечия заставлять томиться столь мне любезного сынка.

Валер. Сударь...

Лизимон. Не бойся же; нетерпение твое я слишком понимаю и хвалю и не сыграю с тобой плохой шутки.

Валер. Отец...

Лизимон. Довольно, слышишь? Я знаю наперед все, что ты можешь мне сказать.

Валер. Но, мой отец... по зрелом размышленьи... я...

Лизимон. Размышленья? У тебя? Ах, виноват. Об этом я не догадался. На чем, хотел бы знать, сосредоточены высокие раздумья ваши?

Валер. На неприятных следствиях женитьбы.

Фронтэн. Предмет немаловажный.

Лизимон. Бывает, что призадумается и дурак, однако после того лишь, как он сделал какую-нибудь глупость. Я узнаю тебя, мой сын.

Валер. Почему после того, как сделал глупость? Ведь я пока что не женился.

Лизимон. Не забывайте, господин философ, что между моим желаньем и исполнением его нет ни малейшей разницы. Рассуждать могли вы вдоволь, когда я предложил вам сей союз и сами от него вы были в восхищенье; тогда я выслушал бы ваши доводы великодушно — снисходительность моя известна вам.

Фронтэн. О сударь, да; в чем, в чем, — а в этом мы должны отдать вам справедливость.

Лизимон. Но теперь, когда все слажено, размышляйте себе, сколько хотите, однако же предупреждаю, что это будет без ущерба для женитьбы.

Валер. Принуждение удваивает мою неохоту. Умоляю вас, подумайте, как важен этот шаг. Благоволите дать мне два-три дня...

Лизимон. Прощай, сын мой; ты женишься сегодня вечером, или... меня ты знаешь. А я-то, как болван, поверил фальшивой уступчивости этого бездельника!

СЦЕНА V

Валер, Фронтэн.

Валер. О, небо! Его неумолимость ввергает меня в отчаяние!

Фронтэн. Да, или женат, или лишен наследства! Либо обзаводись женой, либо будь нищим! Это не пустяк, есть от чего поколебаться.

Валер. Я — колебаться? нет; я сомневался еще в выборе невесты, но теперь, из-за упорства моего отца, мой выбор сделан окончательно.

Фронтэн. И победила Анжелика?

Валер. Совсем напротив.

Фронтэн. Сударь, я вас поздравляю с героическим решением! Вы умрете с голоду, как истый мученик свободы. А если б дело шло о том, чтобы жениться на портрете? Гм-гм! Такая женитьба не показалась ли бы вам еще более страшной?

Валер. Нет; но если бы и тут отец меня вздумал принудить, я б воспротивился с такой же твердостью; и чувствую, что мое сердце вновь возвратило бы меня Анжелике, чуть только захотели бы нас с нею разлучить.

Фронтэн. Вот это послушанье! Клянусь, что если вы не унаследуете богатств отца, то добрые его черты вы унаследуете непременно. *(Взглянув на портрет.)* Ах!

Валер. Что с тобой?

Фронтэн. С тех пор как впали мы в немилость, у этого портрета голодное явилось выражение, физиономия как будто вытянулась.

Валер. Дерзости мне слушать некогда. Уж пол-Парижа должны бы мы обегать! *(Уходит.)*

Фронтэн. Вас обуяла такая прыть, что скоро вы и лес и поле обежите. А мы пока что подождем развязки происшествия; но чтоб был вид, будто я тоже бросился на поиски, пойдем укроемся в ближайшем кабачке.

СЦЕНА VI

Анжелика, Мартон.

Мартон. Ха, ха, ха, ха! Вот-то была потеха! Кто б мог это предвидеть? Вы много потеряли, барышня, что не сидели, притаившись здесь со мной, когда он вдруг без памяти влюбился в собственные прелести!

Анжелика. Он на себя взглянул моими лишь глазами — вот и все.

Мартон. Как! Человек способен на такую странность, а вы столь слабодушны, что сохраняете к нему любовь?

Анжелика. Значит, по-твоему, он очень виноват? В чем же, однако, его можно упрекнуть, кроме как в недостатке, при-
сущем всем людям его возраста? Но все же ты не думай, что, оставаясь равнодушной к оскорблению, которое нанес мне этот кавалер, я потерплю, чтоб он предпочитал мне первое, приятно поразившее его личико. Я слишком его люблю, я не могу не быть чувствительной, и Валер нынче ж мне пожертвует своими безумствами, или же я пожертвую своей любовью рас-
судку.

Мартон. Боюсь, однако ж, что как то, так и другое ока-
жется довольно трудным.

Анжелика. Вот и Люцинда. Мой брат должен прибыть сегодня; смотри, чтоб раньше времени она в нем незнакомца своего не заподозрела.

СЦЕНА VII

Люцинда, Анжелика, Мартон.

Мартон. Бьюсь об заклад — вы ни за что не угадаете, что натворил этот портрет. Вот вы бы посмеялись, барышня!

Люцинда. Ах, Мартон, бог с ним, с портретом; у меня совсем иное на душе. Дорогая Анжелика, я в отчаянии, я умираю. Настал момент, когда нужна мне вся ваша поддержка. Отец сейчас мне объявил о приезде Леандра; он желает, чтоб я готовилась принять его сегодня, а чрез неделю дала бы ему руку.

Анжелика. Что ужасного находите вы в этом?

Мартон. А как же не ужасно? Хорошенькую особу в восемнадцать лет хотеть выдать за двадцатидвухлетнего богатого красивого мужчину: право, тут испугаться есть чего, и вряд ли найдется девушка в своем уме, на которую одна лишь мысль о подобном браке не нагнала бы лихорадки.

Люцинда. Я ничего от вас не скрою: одновременно письмо я получила от Клеонта; в Париже будет он незамедлительно; он постарается подействовать на моего отца; он заклинает меня оттянуть свадьбу; словом, он любит меня по-прежнему. Ах, дорогая! неужели вы останетесь бесчувственной к моим терзаньям? А эта дружба, в которой вы клялись?..

Анжелика. Чем мне дороже наша дружба, тем я силь-

ней должна желать, чтоб узы брака с моим братом ее связали крепче. Однако же, Люцинда, ваш покой составляет первейшую из всех моих забот, и мои желанья вашим соответствуют гораздо более, нежели вы думаете.

Люцинда. Благоволите же припомнить ваши обещанья. Дайте понять Леандру, что мое сердце не может принадлежать ему, что...

Мартон. Бог мой! Ни в чем не надо зарекаться. У мужчин есть столько способов соблазна, а женщины так переменчивы! И, если бы Леандр всерьез задался целью вам понравиться, держу пари, что вам наперекор он бы добился своего.

Люцинда. Мартон!

Мартон. Ему не понадобится и двух дней, чтоб занять место незнакомца, не оставив в вас по нем даже капли сожаленья.

Люцинда. Выдумывай что хочешь... Дорогая Анжелика, я полагаюсь на ваше попеченье и, мучимая тревогой, спешу к отцу испробовать все средства в надежде, ежели возможно, отложить союз, которого страшится мое сердце. (*Уходит.*)

Анжелика. Я должна бы остановить ее. Но Лизимон не из таких людей, что уступают просьбам дочери; и все ее мольбы только упрочат брак, которого она сама желает тем сильней, чем больше, как ей кажется, она его боится. Если я доставила себе минутную отраду потешиться ее смятеньем, то для того лишь, чтоб исход ей показался еще слаще. Есть ли другая месть, какую может себе позволить дружба?

Мартон. Пойду за ней; и, не выдавая нашего секрета, если удастся, помешаю ей наделать глупостей.

СЦЕНА VIII

Анжелика.

Анжелика. Какая я безрассудная! Мой ум занят пустыми шалостями, в то время как на сердце у меня лежит тяжелая забота. Увы! Быть может, в это самое мгновенье Валер на деле осуществляет свою неверность. Быть может, осведомившись обо всем и стыдясь, что дал себя провести, он с досады предлагает свою любовь какой-нибудь другой. Ибо таковы мужчины: когда они особенно виновны, с тем большим упоеньем они мстят. Но вот и он, весь поглощен своим портретом.

СЦЕНА IX

Анжелика, Валер.

Валер (*не видя Анжелики*). Метался я напрасно, не зная, где мне искать это прелестное создание. Ужель любовь не наведет меня на верный путь?

Анжелика (*в сторону*). Неблагодарный! Она руководит тобой слишком исправно.

Валер. Таков закон: любовь всегда сопровождается мученьями. Мне суждено испытывать их в поисках красавицы, которую люблю, хоть не могу найти, чтобы внушить ей любовь ко мне.

Анжелика (*в сторону*). Вот дерзость! Увы! Как это можно одновременно быть столь пошлым и столь милым?

Валер. Надо подождать Фронтэна; может статься, он был удачливей. Во всяком случае, Анжелика меня ведь обожает...

Анжелика (*в сторону*). Ах, злодей! Ты чересчур уверен в моей слабости.

Валер. В конце концов, женясь, я ничего не потеряю; в ней есть все — и сердце и привлекательность.

Анжелика (*в сторону*). Он сделает мне честь — меня возьмет он в жены с горя.

Валер. Как прихотливы мои чувства! Я отказываюсь от обладанья очаровательной особой, к которой, в сущности, меня еще влечет былая склонность. Я подвергаю себя гневу своего отца, упорствуя в любви к красавице, быть может, недостойной моих вздохов, быть может, воображаемой, доверившись всецело свалившемуся с облаков портрету, который наверняка ей льстит. Какое безумие, какой каприз! Ну что ж! Разве безумие и капризы не составляют отличительной черты любезного мужчины? (*Рассматривая портрет.*) Сколько грации!.. Какие линии! Волшебно! Божественно!.. Ах, пусть Анжелика не воображает, что выдержит сравнение с таким собранием прелестей!

Анжелика (*выхватывая портрет*). Я далека от этого, конечно. Но дайте разделить мне ваше восхищение. Знакомство с красотой счастливой соперницы смягчит для меня по крайней мере стыд поражения.

Валер. О небо!

Анжелика. Что с вами? Вы кажетесь совсем растерянным. Никак не думала, что франта так легко смутить.

Валер. Жестокая! Вы сознаете все свои преимущества передо мной и оскорбляете меня, тогда как я вам не могу ответить.

Анжелика. Действительно я поступаю очень дурно, и

по-настоящему вам следовало бы наговорить мне дерзостей. Бог с вами, кавалер, — вы так опешили, что мне вас даже жаль: вот ваш портрет; вы влюблены в его оригинал — я не сержусь ни-сколько, тем более что ваши чувства совпали полностью с моими.

Валер. Как! Ее вы знаете?

Анжелика. Не только знаю, но могу сказать, что для меня она дороже всех на свете.

Валер. Вот это новость, и в устах соперницы подобные слова звучат немного странно.

Анжелика. Пожалуй, но зато они ведь искренни. (*В сторону.*) Коль он обидится, я торжествую.

Валер. Значит, у нее немало хороших качеств?

Анжелика. Лишь от нее самой зависит иметь их бесконечно много.

Валер. И недостатков никаких, наверно?

Анжелика. О, множество. Особа эта причудлива, капризна, ветрена, пуста, непостоянна; а главное, тщеславна нестерпимо. Но что поделаешь, несмотря на все, она мила, и я заранее предрекаю, что вы будете любить ее до гроба.

Валер. Так вы согласны?

Анжелика. Да.

Валер. И не рассердитесь ничуть?

Анжелика. Нет.

Валер (*в сторону*). Ее невозмутимость меня выводит из терпенья. (*Громко.*) Осмелюсь ли надеяться, что, в знак дружества ко мне, вы еще тесней скрепите узы, вас с нею связывающие?

Анжелика. Я б не желала большего.

Валер (*задетый*). Вы говорите это с таким спокойствием — я прямо восхищен.

Анжелика. Вот это мило! Сейчас вы на мою веселость сетовали, а теперь вам хладнокровие мое не по нутру. Не знаю, право, как с вами должно говорить.

Валер (*тихо*). Я задыхаюсь от досады. (*Громко.*) Могу ль надеяться, что мадемуазель окажет мне такую милость и познакомит меня с нею?

Анжелика. Ну, это уж услуга, какой, уверена вполне, вы от меня не ждете. Но я хочу вас удивить и обещаю вам и это.

Валер. И знакомство состоится скоро?

Анжелика. Возможно, сегодня же.

Валер. Нет, я не выдержу. (*Хочет уйти.*)

Анжелика (*в сторону*). Предчувствие мне говорит, что все это пойдет на благо; он слишком раздосадован — не может быть, чтоб он ко мне не сохранил любви. (*Громко.*) Вы куда, Валер?

Валер. Я замечаю, мое присутствие стесняет вас, и потому я удаляюсь.

Анжелика. Ах, вовсе нет. Я уйду сама: несправедливо вас изгонять из вашего же дома.

Валер. Не беспокойтесь; но помните, что тот, кто никого не любит, сам не заслуживает, чтобы его любили.

Анжелика. Никого не любить гораздо лучше, чем быть влюбленным в самого себя.

СЦЕНА X

Валер.

Валер. Влюбленным в самого себя! Разве это преступление — знать, чего ты стоишь? Однако она меня задела за живое. Мыслимо ль, чтобы такого любовника, как я, лишались бы без сожаленья? Можно подумать — она меня считает обыкновенным человеком. Увы! Напрасно я скрываю от себя тревогу сердца; боюсь, что я еще способен любить ее после такого вероломства. Но нет; я отдал всю мою любовь этой очаровательнице. Отправимся же вновь на поиски и к заботе добиться счастья — присоединим заботу возбудить ревность в Анжелике. А, вот идет Фронтэн.

СЦЕНА XI

Валер, Фронтэн (пьяный).

Фронтэн. Черт побери! Не понимаю, отчего меня не держат ноги; уж я ли не старался подкрепиться!

Валер. Ну что, Фронтэн, — нашел ее?

Фронтэн. О да, да, сударь.

Валер. Ах, небо! Возможно ли?

Фронтэн. Трудов мне это стоило громадных.

Валер. Так говори мне поскорее.

Фронтэн. Пришлось обегать все кабачки квартала.

Валер. Кабачки!

Фронтэн. Но удача превзошла все ожидания.

Валер. Рассказывай, рассказывай...

Фронтэн. Так жгло... так пенилось...

Валер. Что, к черту, брешет этот скот?

Фронтэн. Дайте мне все вспомнить по порядку.

Валер. Молчи ты, пьяница, наглец, иль отвечай, как ты исполнил мой приказ найти оригинал портрета.

Фронтэн. Ах, да, оригинал; вот именно. Я говорю вам: радуйтесь же, радуйтесь.

Валер. Ну?

Фронтэн. Его уж нет в Белом Кресте, в Золотом Льве, в Сосновой Шишке, в...

Валер. Палач, да кончишь ты когда-нибудь?

Фронтэн. Терпенье. Коли его там нет, то, следовательно, он где-либо еще; и... ох! я найду его, найду...

Валер. У меня руки чешутся — так бы и прихлопнул этого осла; пойду скорей.

СЦЕНА XII

Фронтэн.

Фронтэн. Ну, и хорош я, нечего сказать... Чертовски здесь неровный пол. О чем это я говорил? Вот, хоть убей, не помню. А, вспомнил наконец...

СЦЕНА XIII

Люцинда, Фронтэн.

Люцинда. Фронтэн, а где твой господин?

Фронтэн. Мне кажется, сейчас он ищет сам себя.

Люцинда. Как это — ищет сам себя?

Фронтэн. Ну да, себя он ищет, чтоб на себе жениться.

Люцинда. Что значит вся эта галиматья?

Фронтэн. Галиматья! И вы не понимаете?

Люцинда. По правде, нет.

Фронтэн. Клянуся честью — я понимаю не больше вашего; но все же я вам объясню, если хотите.

Люцинда. Как ты можешь объяснить мне то, чего и сам не понимаешь?

Фронтэн. А что особенного! На то я и учился.

Люцинда. Мне кажется, он пьян. Ну, ну, Фронтэн, прошу тебя, опомнись; старайся говорить понятней.

Фронтэн. Черт возьми, да ничего нет легче. Послушайте. Дело все в портрете... метамор... нет, метафор... вот именно, метафоризованном. Так взглянешь — он мой господин; а взглянешь этак — он девица... Вы сделали из них некую смесь... По-

тому что я-то ведь сейчас же догадался. Ну, как еще сказать ясней?

Люцинда. Нет, это невозможно.

Фронтэн. Только мой господин ни в чем не разобрался; ведь он влюбился в свое подобие.

Люцинда. Как! Он не узнал себя?

Фронтэн. Нет, это-то всего и удивительней.

Люцинда. Ах, дальнейшее мне ясно! Кто б мог это предвидеть? Беги скорей, бедняга мой, Фронтэн; лети на розыски ты господина своего; скажи, что сообщить ему должна я важное известье. Но главное, не проболтайся о своих догадках. На вот, возьми...

Фронтэн. На выпивку, конечно?

Люцинда. Нет, этого тебе не нужно.

Фронтэн. А пригодилось бы — для верности.

СЦЕНА XIV

Люцинда.

Люцинда. Признаюсь я во всем, не медля ни минуты, и, что бы со мной после ни случилось, не потерплю, чтоб столь любимый брат вдруг сделался посмешищем чрез самое то средство, какое я употребила для его же излечения от смешного чудачества. Как я несчастна! Я оказала плохую услугу брату; отец, моим сопротивленьем раздраженный, еще сильнее утвердился в своем намерении; отсутствующий мой возлюбленный не в состоянье мне помочь; я опасюсь предательства подруги и домогательств человека, которого не в силах выносить: я ненавижу его страстно и чувствую, что браку с ним я предпочла бы смерть.

СЦЕНА XV

Анжелика, Люцинда, Мартон.

Анжелика. Утешьтесь же, Люцинда, Леандр вовсе не желает, чтобы вы умерли. Однако я должна признаться — ему хотелось бы тайком на вас взглянуть.

Люцинда. Увы! Тогда всему конец!

Анжелика. А понимаете ли вы, что это ваше «тогда всему конец» звучит не слишком скромно?

Мартон. В ней жилка братней крови дает о себе знать.

Люцинда. Бог мой! Какая же вы злая!.. Что он сказал потом?

Анжелика. Сказал, что был бы он в отчаянии, коль против своей воли вы б сделались его супругой.

Мартон. И притом добавил, что по одной причине ваша непримиримость ему даже по душе. Но это было сказано с особым выраженьем... И знаете? — если судить по вашим к нему чувствам, то я готова биться об заклад, что перед вами он нимало не в долгу. Ненавидьте его по-прежнему — и он не плохо даст вам сдачи.

Люцинда. Такой способ повиноваться мне не чересчур учтив.

Мартон. Быть учтивым с нами, женщинами, отнюдь не значит быть нам во всем покорным.

Анжелика. Единственным условием своего отказа он ставит то, чтоб на прощанье вы приняли его визит.

Люцинда. О! Ни за что! От этого его освобождаю.

Анжелика. Ах, нет! Вы не решитесь отказать. К тому же ведь я ему уже поручилась. Скажу вам по секрету, он весьма рассчитывает на успех свиданья и даже смел предположить, что, раз увидав его, вы больше не будете противиться этому союзу.

Люцинда. Однако как он самонадеян!

Мартон. Он не сомневается, что приручит вас.

Анжелика. В этой лишь надежде он и дал согласие на договор, который ему я предложила.

Мартон. Говорю вам: Леандр пошел на эту сделку только потому, что он вполне уверен, что вы не станете ловить его на слове.

Люцинда. Такое самомнение просто несносно. Ну что ж! Пусть явится: мне любопытно посмотреть, как-то он станет показывать себя во всей красе; даю вам слово — его ждет такой прием... Введите его сюда. Он нуждается в уроке: увидите, он его получит... и поучительный.

Анжелика. Знаете, Люцинда дорогая, — не всегда нам удастся исполнить то, что мы задумали; держу пари, что вы смягчитесь.

Мартон. Мужчины страшно ловки; и не заметите, как вас утихомирят.

Люцинда. На этот счет не беспокойтесь.

Анжелика. По крайней мере будьте начеку и не жалуйтесь потом, что мы вас не предупредили.

Мартон. Да, нас обвинять вам не придется, если вы будете застигнуты врасплох.

Люцинда. Право, мне кажется, что вы решили свести меня с ума.

Анжелика (*тихо Мартон*). Ну вот, теперь она готова. (*Громко.*) Раз вы того желаете, Мартон его к вам приведет.

Люцинда. Как?

Мартон. Мы оставили его в прихожей; сейчас он будет здесь.

Люцинда. О дорогой Клеонт, как жаль, что ты не можешь видеть, как я встречаю твоих соперников!

СЦЕНА XVI

Анжелика, Люцинда, Мартон, Леандр.

Анжелика. Леандр, приближьтесь; придите научить Люцинду лучше разбираться в ее сердце; ей кажется, она вас ненавидит, и потому употребит все силы, чтобы принять вас плохо; но я, я вам ручаюсь, что эти видимые знаки ненависти на самом деле не что иное, как проявление истинной любви к вам.

Люцинда (*по-прежнему не глядя на Леандра*). С такими предисловиями, конечно, он вообразит, что я к нему куда как благосклонна. Вот жалкий фанфарон!

Анжелика. Ну, ну, Люцинда, — возможно ли, чтобы гнев вам помешал поднять глаза?

Леандр. Моя любовь в вас вызывает ненависть — узнайте же, сколь я преступен! (*Бросается к ногам Люцинды.*)

Люцинда. Ах, Клеонт! Ах, злая Анжелика!

Леандр. Леандр вам слишком не нравился, чтобы под этим именем я смел надеяться на милости, какие получал, назвав себя Клеонтом. Но если результат оправдывает мою решимость принять другое имя, то вы ее простите чувствительному сердцу, чьей слабостью является желание быть любимым ради самого себя.

Люцинда. Леандр, встаньте; избыток чувства оскорбляет лишь те сердца, которым его недостает, но моему сердцу столь же отрадно испытанье, сколь вашему отраден его успех. Но вы-то, Анжелика! Моя дорогая Анжелика была так жестока, что забавлялась моими муками!

Анжелика. Уж точно, сетованья вам теперь к лицу! Вы оба счастливы, тогда как я, увы, снедаема тревогой.

Леандр. Что слышу! Любимая сестра, вы позаботились о моем счастье, а сами в это время терзались беспокойством о своем собственном. Ах! Подобной доброты вовек я не забуду. (*Целует ей руку.*)

СЦЕНА XVII

Леандр, Валер, Анжелика, Люцинда, Мартон.

Валер. Мое присутствие пусть не стесняет вас отнюдь. Что вижу! Сударыня, я не имел понятия ни о победах ваших, ни о существовании счастливого избранника; и я смиренно буду в памяти хранить, что с Валером, который в любви к вам всех был постоянной, вы всего хуже обошлись.

Анжелика. И это было бы умней, нежели вы думаете; право, вам полезны уроки скромности.

Валер. Как! Вы решаетесь присоединить насмешку к оскорблению, у вас хватает смелости собою похвалиться, тогда как от стыда вам следует сгореть!

Анжелика. Ага! вы сердитесь; я покидаю вас, мне дерзости противны.

Валер. Нет, вы останетесь; я должен насладиться вашим позором до конца.

Анжелика. Что ж! наслаждайтесь.

Валер. Ибо, надеюсь, вы не отважитесь оправдывать себя...

Анжелика. Не опасайтесь.

Валер. А также не ободряетесь надеждой, что я сохранил хотя бы каплю доброго к вам чувства.

Анжелика. Мое суждение на этот счет не изменяет дела.

Валер. Я заявляю, что, кроме ненависти, я ничего теперь не буду к вам питать.

Анжелика. Прекрасно сделаете.

Валер (*вынимая портрет*). И вот отныне единственный предмет моей любви.

Анжелика. Вы в своем праве. А я вам заявляю, что к кавалеру (*указывая на брата*) я чувствую привязанность, которая нимало не уступает вашей к оригиналу этого портрета.

Валер. Неблагодарная! Увы! Мне остается лишь умереть.

Анжелика. Послушайте, Валер. Мне жалко видеть вас в таком расстройстве. Сознайтесь, что, распаляясь гневом против воображаемой измены, которой сами вы и подали пример, вы поступаете, как несправедливейший из всех людей; но я добра и даже на сей раз готова оставить без внимания ваши чудачества.

Валер. Похоже, что мне же милостиво согласятся даровать прощенье.

Анжелика. Поистине, вы вовсе не заслужили этого. И все же я вам сообщу условие, на каком могла бы я решиться вас

простить. Недавно вы мне выражали чувства, на которые я отвечала слишком нежно, как не отвечают недостойному; не смотря на это, вы со всей ветреностью и, смею сказать, всей вздорностью своего возраста и права нанесли мне оскорбление сумасбродною любовью к какому-то портрету. Сейчас не время рассуждать, должна ли была я следовать вашему примеру, и не вам, виновному, пристало порицать мои поступки.

Валер. Не мне, о боги всемогущие! Но поглядим, к чему же клонится ваша торжественная речь?

Анжелика. А вот к чему. Я вам сказала, что мне известен новый предмет вашей любви, и это правда. Я добавила, что нежно его люблю — и это тоже правда сущая. Его достоинства перед вами признавая, я недостатков его не скрыла от вас. Я больше сделала — я обещала вас познакомить; теперь я слово вам даю, что это сделаю сегодня, и даже сей же час; ибо, предупреждаю, он ближе к вам, чем думаете вы.

Валер. Что слышу я? Как? Она...

Анжелика. Прошу, не прерывайте. Наконец истина велит мне вновь вам подтвердить, что особа эта вас любит горячо и за ее привязанность к вам я отвечаю, как за собственную. Теперь меж ней и мною вам предстоит ту выбрать, которой вы отдадите всю вашу нежность: выбирайте, кавалер; но выбирайте сию ж минуту — и безвозвратно.

Мартон. Клянусь, он в превеликом затрудненье. Потешная задача! Поверьте, сударь, — берите скорей портрет — это надежнейшее средство спастись от всех соперников.

Люцинда. Ах, Валер, можно ли так долго колебаться, когда ты следуешь велению сердца?

Валер (*бросая портрет, у ног Анжелики*). Конечно! Прекрасная Анжелика, вы победили; я понял, сколь чувства, рожденные капризом, ничтожней тех, что вы внушили мне. (*Мартон поднимает портрет.*) Но увы! Могу ли я надеяться, что мое сердце, вновь обратившись к вам, мне ваше возвратит?

Анжелика. О благодарности моей вы можете судить по жертве, какую вы сейчас мне принесли. Встаньте же, Валер, и пристальней взгляните в эти черты.

Леандр (*смотрит тоже*). Пойдите! Мне кажется, я узнаю... Да, клянусь честью, это... это он...

Валер. Как — он? Она — скажите. Это женщина, ее я отвергаю, как и всех женщин в мире, над коими вы, Анжелика, всегда возьмете верх.

Анжелика. Да, Валер; до сих пор — то была женщина; отныне же, надеюсь, это мужчина будет — притом лишенный всех жалких слабостей, что унижали его и его пол.

Валер. Вы в странное ввергаете меня недоуменье!

Анжелика. Вам невозможно не узнать его, тем более что

с ним вы состояли в самых тесных отношениях и, уж конечно, вас никто не обвинит, что вы пренебрегали им. Снимите с этой головы затейливый убор, которым сестрица ваша ее украсить приказала...

Валер. Ах, что я вижу!

Мартон. Ну, теперь вы поняли? Вы видите портрет — и вот его оригинал.

Валер. О небо! И я не умираю от стыда!

Мартон. Эх, сударь! Изо всех, подобных вам, вы, может быть, единственный, кому хотя немного стыд знаком.

Анжелика. Неблагодарный! Разве я вас обманула, сказав, как дорог мне оригинал портрета?

Валер. А я буду любить его теперь лишь потому, что вас он обожает.

Анжелика. Хотите — чтобы упрочить наше примирение — я представлю вам Леандра, брата моего?

Леандр. Позвольте, сударь, мне...

Валер. Боже! О, верх блаженства! Как! Даже когда я так виновен был, Анжелика была верна мне?

Люцинда. Я разделяю всей душою ваше счастье! И сколь счастливой стала я сама!

СЦЕНА XVIII

Лизимон, Леандр, Валер, Анжелика, Люцинда, Мартон.

Лизимон. А! Вот мы все здесь — собрались весьма кстати. Люцинда и Валер сопротивлялись оба узам брака, и потому сначала я решил принудить их; но я подумал, что порою отцом быть надо добрым и что брак по принуждению к счастливому супружеству приводит редко. Итак, я принял решение нынче же расторгнуть то, что было ранее условлено; и вот те новые распоряженья, какие я даю взамен: Анжелика моею женою будет; Люцинда удалится в монастырь; Валера лишаю я наследства; что же касается до вас, Леандр, то вы благоволите запастись терпением.

Мартон. Прекрасно, нечего сказать! Распределил как нельзя лучше.

Лизимон. Что это значит? В замешательстве вы все. Или мой план вам не по вкусу?

Мартон. Никто из них не раскрывает рта! Черт их возьми, и этих дураков любовников, и глупую их юность, которая гораздо лишь на пустую болтовню, а в случае нужды — и слов не подберет!

Лизимон. Ну, ну! Мои намеренья вам всем известны; вам остается только подчиниться им.

Леандр. Э, сударь! Не извольте гневаться. Разве в глазах виновных и в их смущенье — раскаянья вы не прочли? И разве, виновных с невинными сравнив, хотите одинаково карать тех и других?

Лизимон. А коли так, то я, по слабости душевной, их послушанье испытаю еще раз. Посмотрим. Господин Валер, ну что: по-прежнему вы предаетесь размышленьям?

Валер. Да, батюшка; но вместо мук, в супружестве я вижу только радости.

Лизимон. Ого! Запели вы совсем другую песню! А ты, Люцинда, все так же любишь ли свободу?

Люцинда. Отец, я чувствую, что сладко ее утратить, подчинившись долгу.

Лизимон. А, как рассудительны они все стали! Я очень рад! Обнимите меня, мои дети, и пойдем заключим два счастливых союза. Вот как полезно вовремя показать свою власть!

Валер. Дайте руку, прекрасная Анжелика; вы излечили меня от смешного чудачества, составлявшего стыд моей юности, и отныне, близ вас, я постиг, что любить глубоко — это значит забыть о себе!